

ГЛАВА IV ЖЕСТОКАЯ КОМЕДИЯ

Продолжение. Начало в № 12 за 2015 год

21 мая 1964 года

Полковник Солнцев смотрел на бывшего изменника родины Игоря Серебрякова без неприязни и без зоопаркового любопытства. Серебряков, зэк опытный, рассматривал носки своих ботинок и в глаза своему ровеснику не смотрел.

— Вы курите? — спросил молодой полковник в штатском.

— В деле сказано «нет», — без вызова, но с некоторой долей иронии ответил агент Барон.

— В моем деле об этом ни слова, а я курю, — пожал плечами Иван Валентинович.

— А вы разве его видели? — впервые взглянул в лицо бывший немецкий подручный.

— Нет. Я так думаю.

— Ах, думаете... Как мне вас называть?

— Хотите Иван Валентинович, хотите Иван, — либерально позволил высокопоставленный разведчик.

— Хорошее имя. Знаете пословицу? «С именем — Иван, без имени — болван».

— Нет, нет. Я с именем, — улыбнулся полковник.

— Вторая пословица: «Корова без клочки — мясо»...

Молодые в общем-то люди встретились, как и договорились заранее по телефону, у табачного магазина на Сретенке. Солнцев узнал агента по фотографии в формуляре и подошел к нему сам.

Они медленно прогулялись до ближайшего переулка — Печатникова, спустились чуть вниз и проходным двором перешли в параллельный, Колокольников, продолжая свой маршрут по крутому московскому холму вниз. Полковник слегка косолапил — привычка, оставшаяся со службы на пограничных катерах. Серебряков был сухопутным человеком и на ходу не раскачивался.

Дошли до Цветного и пошли по самому бульвару среди плаксивых красот этого столичного мини-парка.

— Расскажите, Игорь, как проходил рабочий день при немцах, — попросил чекист.

— Как? А вас что интересует?

— Все. Вы ведь не только у бургомистра в канцелярии работали, но и в полиции, и в штабе.

— А-а, теперь мне предельно ясно. Итак, гражданские служащие приходили на работу к шести тридцати утра. Немцы к семи. Ночной дежурный сдавал дежурство дневному. Проверялись печатанные кабинеты, сейфы, шкафы. Наличие личного состава. Больные там, невышедшие на работу, отправленные на мероприятия, убывшие в командировки и так далее. Если были арестованные — сдавали их при переключке. Затем гражданский докладывал дежурному немцу. Начинались занятия.

— Допросы? — уточнил Солнцев.

— У следователей. Остальные работали с бумагами, всякие там формуляры, отчетность, учеты, выдача справок и тому подобное. С двенадцати до двенадцати двадцати пяти для местных обед. У немцев до часу дня. Потом опять занятия.

— Уточните, что это такое: списки советского актива? Коммунисты, комсомольцы?

— Нет, это в СД. Конечно, если в полицию приходили доносы... а их немало было... Но этим занимались либо оперативные службы, либо немцы. Полиция регистрировала земельные участки, жилой фонд, наличие населения на участках, домашних животных...

— Это для чего?

— Налоги. Ведь все лица, проживающие на оккупированной территории, в возрасте от 16 до 60 лет платили денежный сбор. Потом 10 процентов от заработка, налог подоходный. Поземельный — 200–550 рублей в год с каждого двора; налог с торгового оборота; налог со здания — 1 процент их стоимости; налог на кошек и собак — от 25 до 40 рублей за каждую... Кроме того, трудно было с пересчетом дойчмарки на марку оккупационную. Расплачиваться первой разрешалось, а скупать имперские деньги — нет. Ведь они были, знаете ли, в отношении 1:10... Помните? Учет и контроль.

Полковнику не понравилась ссылка на ленинский постулат:

— Ну вы не очень-то... сравнивайте.

— По сути так, — равнодушно пожал плечами симпатичный европеец Серебряков. — Половину времени все только и составляли такие графики по взиманиям. Конечно, и списки на депортацию, набор рабочей силы на добровольных началах... Вы же знаете, как это было при немцах. Хотя бы по документам, — любезно уточнил б/предатель и изменник. — В РСХА, кроме оперативных управлений, было много и финансовых. В частности, если гестапо это IV Главное управление, то II ГУ — техническое и экономическое. С 33-го по июль 40-го им руководил доктор Бест, а позже — государственные советники Нокеман, Зигерт и Шпациль. Между прочим, вот все... в кино, я имею в виду... говорят «гестапо, гестапо», а ведь внутри самой службы был отделчик, которого эти сами гестаповцы как огня боялись.

— Партийный суд, — понятиливо сообразил полковник.

— Отнюдь, — спокойно парировал собеседник, — отдел II-B Второго главка. Он курировал все экономические аспекты гехайме-штатсплицай. А и в самом ведомстве папаши Мюллера был отдел IV-E-2 — это уже внутренняя служба

по борьбе с экономическим саботажем вашего гестапо...

— Вашего гестапо, — огрызнулся Солнцев.

— Нашего гестапо, — легко согласился Серебряков. — Все реквизиции, арестованные счета, экономика концлагерей... Там... Даже здание РСХА на Принц-Альбрехтсштрассе — и то размещалось в бывшей промышленной школе. Да вы, Иван Валентинович, только посчитайте, сколько в Германии было учитывающих структур: министерство планирования, министерство труда, министерство хозяйствования, минфин, управление личным имуществом, налоговое ведомство, таможня, криминальная полиция. В каждом ведомстве обязательно были экономические управления или отделы. В вермахте были свои Erkundungstrupp (команды экономической разведки Вермахта Третьего рейха)...

Полковник даже немного флегматично слушал агента, а тот спокойно продолжал-баюкал своего нового куратора подробностями. При этом каждый из них изучал друг друга. Серебряков, как бы между прочим, пробрасывал немецкие слова, а Солнцев его не переспрашивал. Значит, знает язык, соображал Барон. А Солнцев себя охладивал: «Не надо педалировать на гестапо, не надо злить агента, да еще перед такой операцией. Спокойней, Ваня. Пусть этот фашистский выкормыш увидит, что и его мы держим за человека». Выкормыш уловил сигнал фальшивого снотворного, но отчего бы и не принять условия этого молодца? Интересно, он по званию старлей или уже капитан?

— ...Что еще? Немцы завершали работу в 16:30, гражданские — в 18:00. Дневной дежурный сдавал смену ночному...

— А перерывы на чай, кофе? Перекуры?

— Ну, меня-то не приглашали. Можно было отпроситься на пять минут у начальника стола. Курить на рабочих местах могли только немцы. Русские должны быть опрятно одеты, мужчины в рубашки с галстуками, в костюмах. Женщины в белые кофточки. Обувь, пальто обязаны быть чистыми. Те, кто имел право на ношение оружия, должны были содержать его в холе... Обязательно вставать при появлении любого чина армии и полиции. На улице следовало останавливаться и пропускать их; те, кто ходил в форме или при оружии, отдавали честь.

— Руку выбрасывали? — поддакнул полковник и попал впросак.

— Нет, нет. Это жест для членов партии. Наших ведь в НСДАП не принимали, такое нельзя было заслужить. Что еще? Обращаться к немцам и стар-

шим только на вы. С прибавлением чина, звания и ученой степени. Представляет, Иван Валентинович?! «Герр заместитель начальника отдела, гауптштурмбанфюрер, доктор Цайтунг, разрешите обратиться к герру помощнику начальника административного стола, шарфюреру, инженеру Майтунгу...» Ах да. Были еще два странные на первый взгляд войска — «Служба Отто» и «Организация Тодта».

— Да, знаю, — кивнул полковник. — Первая — это закупки продовольствия и сырья на оккупированных и союзнических территориях. Вторая — военное строительство и восстановление гражданских объектов.

— Точно. Обе организации полувоенные, там пристраивались пенсионеры, инвалиды, белобилетники, и, конечно, за взятки. Форму-то носили общеармейскую, а сами геройствовали в тылах... Как мне кажется, ваши э-э... коллеги в основном через эти окошки пробирались к гитлеровцам, нет?

Солнцев сделал вид, что не расслышал вопроса, хоть и знал, именно так и было. Они шагали Цветным бульваром по направлению к Садовому кольцу, перешли его и двинулись вверх к институту Склифосовского. Майское солнце уже сейчас прилично припекало, и полковнику становилось жарко в своем габардиновом новом пальто. Серебряков был в коротком белом импортном плаще — наши никогда бы не выдумали пришить на воротник узкую кожаную полоску, чтобы не салилось от волос... Справа вновь показалась Сретенка, на которой они час назад встретились. С угла располагался комиссионный магазин, который москвичи шепотом называли «Слезотовары», здесь продавался конфискат арестованных граждан. Настоящие люди сюда не ходили — своеобразная антисталинская демонстрация. «Слезотовары» посещали либо непросвещенные приезжие, либо уж совсем бессовестные люди. Игорь хотел было сказать об этом новому куратору, но удержался...

— Понятно... Что-нибудь еще не припомните?

— Поинтересней? — ехидно подначил экс-полицай.

— Характерного, — осторожно направил агента чекист, помня, что с ним придется работать большое и серьезное дело, а посему пытаюсь расположить Серебрякова к себе.

— Отчего же не вспомнить, раз человек хороший, — лукаво покосился Игорь на Ивана. — Я любил в пустые минуты немецкие инструкции почиствовать... Например, в гестапо, то есть IV Главном управлении РСХА, был отдел IV-A-6-a! Какая деликатность!

— Что такое? — искренне заинтересовался необычной энциклопедией Солнцев.

— Эти занимались исключительно арестами старых солдат и членов партии. Всяким-яким это дело не доверяли! Руководитель — гауптштурмфюрер Геттл. Личную картотеку агентов Мюллера-гестапо курировал его адъютант гауптштурмфюрер Леонард Гальмазенгер...

— Откуда вам, мальчишке, могли быть известны такие в общем-то секретные сведения? — спонтанно и быстро задал вопрос разведчик.

— Я умел читать. А во-вторых, до 44-го в Германии издавался сборничек с перечислением всех офицеров СС. Кто умеет сопоставлять...

Полковник согласно кивнул, поддел носком ботинка невидимые миру соринки с асфальта. Серебряков свои подметки берег.

— Страшно было? — полюбопытствовал чекист.

Игорь невразумительно пожал плечами:

— Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор...

ГЛАВА V ФУФЛОВО-ВОЗДУШНЫЕ ВОЙСКА

Серебряков хорошо помнил все восемь лет своего заключения. Он видел эти годы как некий газетный лист. Черно-белый, с яркими фотографиями и четким текстом... Особенно начало. Сперва его вывезли из Дании в Германию. Там уже передали военной контрразведке советских оккупационных войск. Но в Германии его еще не били и даже долго не допрашивали. Как только был сформирован очередной эшелон с заключенными и интернированными в СССР, то отправили прямоком в Москву.

Немцев в эшелоне уже было немного, а советских военнослужащих, осужденных по новому закону 47-го года о мародерстве, — как раз много. Но даже эти бандиты относились к нему свысока. Они-то прошли войну и попались по глупости: в сорок пятом конфисковывать вещи и продукты у немцев можно было почти законно, но спустя два года Сталин решил армию приструнить. Ему стали жаловаться англичане и американцы на поведение русских в Германии, одновременно Верховный решил получить от Америки помощь по плану Маршалла, как ее получили многие страны Европы. Чтобы смягчить в глазах иностранцев свой режим, Хозяин упразднил в стране смертную казнь и аборт (рассчитывая на благословение католической церкви; да и солдаты в будущих войнах понадобятся). Чтобы из страны не бежали, он запретил заодно и браки с иностранцами, а

имеющиеся приказал расторгнуть или «иностранную» часть смешанной семьи ввести в советское гражданство. 18 марта «Ведомости Верховного Совета СССР» за № 10 (464) опубликовали «Указ о воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами»...

Помощи с Запада Сталин не получил, а, наоборот, получил речь Черчилля в Фултоне и холодную войну. Вскоре смертную казнь восстановили, а аборт и совместные браки — нет. Богат был срок седьмой год на законы...

В Польше эшелон переформировали. Серебрякова от мародеров перевели в вагон с поляками, что воевали не в советской Армии Людовой, а в британской Армии Крайовой (АК, аковцами). Из этого пацан сделал вывод, что судить его будут как иностранного шпиона, ведь он не принимал никакой присяги, даже советского паспорта у него никогда не было. Для любого отечественного бандита, будь хоть он из легендарной «Черной кошки», смертная казнь не страшна. Отменили. Но иностранным диверсантам ее все же оставляли. Вот парень справедливо и решил, что...

На Лубянке к его двум следователям просто приходили на экскурсию во время допросов. Он слышал обрывки разговоров чекистов: «Говорят, сын Власова...» или: «Не сын, а пидор!..» и тому подобное. Никак не могли поверить, что мальчишка — офицер, полицей. Хотя он ничего не скрывал и активно сообщал следователям все подробности биографии и чиновничества. Это подтверждали и бумаги, которыми МГБ снабдили англичане.

Кстати, о гомосексуализме тоже расспрашивали. Но Игорь убедительно отослал их к статье 175 Уголовного кодекса еще Веймарской республики, который был в ходу и в гитлеровском Рейхе, и специальному приказу Гимmlера: мужеложство на территории Германии наказывалось концлагерем, а для членов партии и служащих СС, СД и гестапо — виселицей. Следователи все же навели справки, опросили сидевших у них немцев — подтвердилось.

Что удивительно, на допросах его не били ни разу! Да и за что? Парнем он был длинным, но худым, и хорошенький удар тренированного человека поставил бы точку в его жизни. Потом, он рассказывал обо всем, о чем просили. Рассказывал с удивительной юношеской наблюдательностью, успевай только записывать! Те, кому было положено читать протоколы допросов, видно, смекнули, что информации там достаточно для целых глав в секретные учебники для специальных чекистских школ.

— Как полагалось обращаться к Власову? Ваше превосходительство? — глядя куда-то за майское окно кабинета на Лубянке, спрашивал лысоватый подполковник.

— Нет, в уставе сказано «господин генерал» или «господин командующий».

— А к немцам?

— К военным — по званиям, к гражданским — по должности или по ученой степени. Ох, и много же было мороки с этими званиями! Столько учили! Почему у одних частей есть нагрудные нашивки за зимнюю кампанию, а у других нет... Какие бывают нашивки нарукавные... Что значит значок «За пять танковых атак»... Звания в гестапо... Звания в РОА. Нашивки у старых членов партии в виде нарукавного треугольника... Много!

— Выучил все-таки? — переспросил второй дознаватель.

— Конечно, без этого не сдашь экзамена.

— Ишь ты, усердный! — глядел на парня исподлобья майор госбезопасности.

В лубянской камере сначала их было четверо: Игорь, венгерский полковник-гусар, немецкий подполковник из шифровального отдела группы армий «Север» и гауптман из эсэсовской дивизии «Викинг», но высокой чести попасть прямо на Лубянку он удостоился потому, что еще до войны был в группе самого штандартенфюрера Раттенхубера, начальника Службы сопровождения Адольфа Гитлера. Потом охрана втиснула еще пятую кровать, и на ней разместился бывший министр словацкого правительства Тиссо. Венгр и словак свободно говорили по-немецки, но все же с акцентом, а посему Игорь в глазах немцев был более безукоризненный однокамерник — он-то общался на чистейшем хох-дойч. Потом он переводил все приказы охраны и рассказывал о нравах страны, давал консультации по поводу прав и обязанностей заключенных, вывешенных на стене камеры. Единогласно его выбрали старостой, так как только он мог доложить дежурным или прокурорам о порядке и просьбах (подполковник страдал желудком и часто просил вызвать врача). Лишь его знания, перенятые от мародеров, от бывших эзков ГУЛАГа в арестантском составе, оберегали их. Есть в тюремном быте невинные с точки зрения арестантов, но ужасные с позиции вохры проступки. Капитан-эсэсовец суровой ниткой как-то поделил дневную пайку хлеба на три части. Хорошо, что камерный Игорь вовремя предупредил «викинговца»: аккуратно разрезанный (неважно чем, обычно, как правило, именно ниткой) хлеб дает возможность охраннику написать рапорт начальнику смены, что «в камере

используются режущие предметы». Наказание — карцер, избиение, лишения сна, лишний шмон...

Все присутствующие благоговейно смотрели на мальчишку. Словацкий министр все норовил пожаловаться на то, что не может заснуть ночью, потому что в камере постоянно горит яркая лампочка. На это эсэсовец ответил, что все это штатская чухь: «Я на фронте спокойно спал, когда рядом догорала целая электростанция!»

Привыкшие к строгой иерархии иностранцы, естественно, освободили своего старосту от обязанности уборщика. Дальше спор разыгрался между двумя немцами и венгром. Венгр был старшим по званию, но его страна числилась только союзником Германии, и подполковник с капитаном доказывали гусару, что они оба в табели о рангах Рейха стоят выше полковника-сателлита. О штатском профессоре-словаке разговор даже не заводился: пусть помолчит, когда джигиты разговаривают!

После длинных и колких пререканий решили, что дежурство устанавливается следующим образом:

- a) каждый сам заправляет свою койку;
- b) тарелки и кружки после еды моет профессор; он же по возможности делает влажную уборку камеры;
- c) при выводе на оправку венгр-гусар приносит из туалета мокрый носовой платок для этой самой уборки;
- d) гауптштурмфюрер отвечает за тишину в камере;
- e) подполковник — за общий порядок;
- f) Игорь — командир.

Когда внутренний режим был выработан, чтобы не сойти с ума, стали вспоминать игры, которые бы не противоречили Уставу внутренней тюрьмы МГБ СССР...

ГЛАВА VI АНТИКВАР — РАЗБОГАТЕВШИЙ СТАРЬЕВЩИК

24 мая 1964 года

Лейтенант КГБ Тамара Галева долго листала служебные справочники и выписывала интересные ее любопытные сведения. Потом с этим листочком она пришла к майору Лучикину, заместителю начальника ее отделения.

— Матвей Григорьевич, объясните мне, почему Барон получил такой маленький срок?

Майор снял очки и просмотрел список симпатичного лейтенанта. Его кабинетик был набит

цветочными горшками, как оранжерея, — майор был страстным садоводом.

— Томочка, он же в 47-м был малолеткой... Не знаю, вообще-то. Что-то с Особым совещанием сделалось. Припадок добродушия. У него какой пункт по 58-й статье? Четвертый?

— И тринадцатый.

— Да? — Майор почесал карандашом лысину. — Вообще-то, восьмерик — это ему маловато... Да, маловато. Там, кажется, и 59-я была, так? Так... Значит, должен был получить десять как минимум.

— Он сразу дал согласие сотрудничать с нами, его рассказы подтвердились проверками.

Лучикин даже удивился:

— Ну и что, Томочка? Пусть бы поработал на органы в лагере подольше. Он молодой. К тому же власовский офицер. У него литерки не было?

— Чего не было?

— Буквы такие, литеры — по-бывшему, ну там ЧСВН, ЧСИР, КРТД и тому подобное? Вы в нашей школе разве не проходили? — удивился цветков-контрразведчик. — Член семьи врага народа, изменника родины, контрреволюционная троцкистская деятельность... Эта-то буква — «т» — страшней всего была. За нее почти всегда расстреливали... Литерки прибавлялись к статьям, и от этого ужесточалась система содержания на зонах, запрещалась реабилитация, пересмотр дела. Понятно? Еще следствие и этапное управление могли добавлять свои шифры: «склонен к побегу», «к изготовлению фальшивых документов», «к бунту», «использовать только на физических работах»...

Тамара кивнула.

— Матвей Григорьевич, понятно: нет, не было. А почему Барон не сидел постоянно в одном лагере? Смотрите, с 47-го по 48-й — внутренняя тюрьма МГБ...

— Следствие шло, — утвердительно кивнул майор.

— 48–53-й — Колыма, прииск «Ягодный»...

— Законно. Это Особлаг.

— В 53-м его переводят в 4-й корпус Владимирской тюрьмы.

— Это для работы с номерными заключенными. К тому же Сталин умер, режим потеплел, так что...

— С 54-го он переводится в Рязань...

Майор опять кивнул:

— Там лагерь был для высших офицеров Германии. Барон наш работал по ним, язык он знал хорошо. Тем более его фрицы могли проверить на легенду. Между прочим, по агентурным данным,

и проверили. И поверили. Барон хорошо работал. Ты знаешь, переговоры с Люсей — она мастерица по оформлению, работает тут с довоенных времен.

Люся, или Людмила Александровна Симонюк, действительно пришла в НКВД еще во времена Ежова. Но прошла все чистки, все проверки и все перемещения. Ни один начальник отдела, увидав оформленные ею дела, не позволял трогать их делопроизводителя. Симонюк была по званию старшиной специальной службы, но у нее был кабинет побольше, чем у начальника отделения. Правда, у начальника в сейфе было три-четыре дела, а в сейфах тети Люси — тысячи формуляров на подследственных, обвиняемых, находящихся в разработке контрразведкой, дела осужденных по инициативе их отдела.

Две дамы быстро сговорились о лекции: одна прочесть, другая прослушать.

— Томочка, вот смотрите на этот значок.

Галеева посмотрела шифр на картонной обложке папки дела-формуляра. В числителе было две цифры, в знаменателе одна.

— Это значит: «является лидером-организатором». Обратите внимание на страницу сто двадцать два. Барон в разгар скандала в бараке на прииске отбрил какого-то зэка-полицая. Вот, читайте.

Галеева раскрыла внутрилагерный донос на имя начальника оперчасти «Ягодного» старшего лейтенанта Гречко: «Заклученный Серебряков принял участие в толковище блатняков. Зэк Гурченко, бывший вор, а после полицай в Ровно, попытался заставить С. мыть вне очереди полы. С. крикнул на него: “Смирно! Ты разговариваешь с офицером вспомогательной полиции! Кругом! Пошел вон!” И зэк Гурченко повиновался... Зэк Серебряков пользуется авторитетом в бригаде...»

— А мог бы этот полицай дать ему по морде?

— Обязан был! И не по роже, а топором по башке, — уверенно, с расстановкой пояснила тетя Люся. — А так — потерял авторитет, стал почти «опущенным». Знаете ведь, что это такое?

Лейтенант Тамара кивнула.

— Так вот, — продолжала умудренная старшина, — Барон завоевал уважение, взял полицая «на бас». И другие поучились. Знаете, древние китайцы тоже не верили, что можно учить без битья. Даже в состав иероглифа, который обозначает слово «школа», включены розги...

Галеева удивленно приподняла брови, но по крепко привитой служебной привычке переспросить тетю Люсю о том, где она учила китайский язык, не решилась...

А дама-старшина продолжала:

— Видите вот это треугольник? Это значит, что он получает сначала тюремный паек как малолетка по шкале питания.

— Это много или мало?

— Для двенадцатилетнего заключенного... ведь и такие были... это вполне прилично. В день 400 граммов хлеба, 25 сахара, 100 — каши, 170 — рыбы, 50 — мяса, 500 овощей... Это вообще на третьем месте — после пайка ИТР и «стахановского». Еще там жиры, масло. Овощей — больше всех: 200 граммов в день. Но парню в семнадцать с половиной лет — это все же мало. Тем более никто ему посылок не подгонял, денег у него сперва на личном счету не было... Голодно, одним словом.

— Это администрация придумала такую шкалу питания для нарушителей дисциплины, да? — понимающе поинтересовалась Тома. — А я в прошлом году читала в «Новом мире» один рассказ... как его... про один день Ивана...

— Солженицына? «Один день Ивана Денисовича»? Читали, читали.

— Но ведь то писатель придумал...

— Какой писатель? Солженицын? Да он же восемь лет зэком был.

Лейтенант Галеева этой подробности не знала.

— Вы шутите, тетя Люся? Его же, я читала, на Ленинскую премию выдвинули. Как же можно?

— Можно, у нас в стране все можно. А про еду в зоне... При чем здесь администрация? Эту шкалу придумал зэк. Заклученный на Беломорканале Нафталий Френкель в 26-м году.

— Нафталий... Нафталий? — Что-то знакомое померещилось лейтенанту в редчайшем имени.

— Ну да. Он после освобождения стал заместителем начальника Беломора, а сейчас генерал у нас. Вспомнили? — спокойно спросила Людмила Александровна.

— В экономическом?

— Ага... А вот — смотрите! — неприметные буквы «АТ». Они никак впрямую не переводятся. Но любой опер знает, что так метят сексотов. Вот ему разрешают и пользоваться лагерным ларьком. Хороший опер Беляев!

Пожилая дама, в удовольствии от прочитанного, ударила ребром ладони по столу так, что ее слушательница подпрыгнула на стуле.

— Почему, Людмила Александровна? — испуганно спросила девушка.

— А он задним числом приклеил вот эту бумажку из Госбанка, что при аресте у Барона отобрали 12 тысяч имперских марок. Какое-то время и это было валютой во всех оккупационных зонах Германии. Это он таким образом закамфлировал на-

личие у Серебрякова денег на лицевом счету. Следовательно, Госбанк как бы валюту учел, перевел в рубли и зачислил за эком. Далеко смотрел лейтенант Беляев! Молодец! Какая у него цифра по статье заключения?.. Ого! 70-я! Самая тяжелая: строгий режим в тюрьме! Знаете все шесть, Тамара?

— Нет, — честно призналась слушательница.

— 62-я — общий режим в лагере, 63-я — усиленный, 64-я — строгий, 65-я — особый режим. А в тюрьме два вида содержания: по 63-й — общий и, как у нашего Барона, — строгий. Так только власовских генералов содержали, больших гестаповцев, троцкистов, замечу, настоящих!

Лейтенант КГБ и тут удержалась от дополнительных вопросов, а уж тем более — от комментариев. Вместо этого она поинтересовалась следующей графической пометкой:

— А вот этот квадратик что значит?

— Это запрещения на продукты. В квадратике какая буква? «Д»?

— «Д», — добросовестно подтвердила Галеева.

— По этому пункту ему запрещалось получать в посылках и покупать в ларьке мясо и мясные консервы, шоколад, цитрусовые... — бормотала старшина из госбезопасности — милейшая, хоть и не очень опрятная в одежде, тетя Люся, — продолжая рассматривать что-то на обложке папки, и, соотнося свои открытия в шифре с соответственными листами дела, что-то бормотала, чмокала, поднимала брови и подхихикивала...

«Какие цитрусовые?! На Магадане? В 49-м? Есть ли они для вольных сейчас?!» — думала с ужасом лейтенант КГБ Тамара Галеева, продолжая мило улыбаться пожилой чекистской ходячей энциклопедии...

Продолжение следует.